

14. Работа на железной дороге

Хейдьюк бродил, спотыкаясь, в темноте; мерцал голубой огонек его фонарика.

— Так, нормально, теперь подъем, подъем. Оторвали задницы, встали на ноги...

Полная луна низко стоит на западном краю неба.

Господи Боже мой, он же действительно сумасшедший, подумала она. Он же в самом деле настоящий психопат.

— Сколько времени? — сонно проямлил кто-то — Док, завернутый в свой спальник.

— Четыре по звездам, — проворчал Хейдьюк. — Подъем, подъем, подъем. Всего час до рассвета.

Она перевернулась и открыла глаза. Увидела, как Капитан Смит склонился над походной печкой, услышала ободряющее шкворчание деревянной колбасы, почувствовала воодушевляющий аромат ковбойского кофе.

Хейдьюк с дымящейся чашкой в руке толкал Дока под ребра своим кованым туристским башмаком. — Давайте, Док, вставайте, пора за дело.

— Оставь его в покое, — сказала она. — Я его разбужу.

Бонни вылезла из своего спальника, натянула джинсы и ботинки, подошла к доктору. Завернутый в уютную роскошь своего спального мешка на гусином пуху (который соединялся молнией со спальником Бонни, — чего, однако, в этот раз не случилось), он, казалось, не очень-то хотел подниматься и снова сталкиваться с реалиями жизни. Бонни знала, почему.

Она распахнула нейлоновые створки капюшона. Он глядел на нее при свете звезд. Его налитые кровью глаза казались тусклыми и беспомощными без очков. Нос потерял свой блеск. Но Док улыбался.

Бонни мягко поцеловала его в губы, провела губами по носу, потерела мочку уха.

— Док, — побормотала она, — я же люблю тебя, глупый. И, наверное, всегда буду любить. Что ж я могу с этим поделать?

Их слова превращались в пар в холодном утреннем воздухе. Он вытащил руки из мешка и обнял ее. Потихоньку от Хейдьюка и Смита, стоявших поодаль, она тоже обняла его и снова поцеловала. — Вставай, Док, — прошептала она ему в самое ухо, — я же без тебя ни один мост не взорву.

Он расстегнул молнию, не спеша выкатился из мешка, неловкий, неуклюжий со сна, и продемонстрировал ей свое крайнее возбуждение. — Грех же дать этому пропасть, — сказал он, глядя на нее. Теперь он стоял прямо, слегка покачиваясь на задних конечностях, — не мужчина, а большой толстый медведь в теплом нижнем белье.

— Позже, — сказала она.

Такого может больше и не быть.

Да ладно тебе, одевай брюки.

— Снова в бриджи, друзья. — Он нашел их, натянул и побрел в сторонку помочиться, босиком по холодному песку.

Бонни прихлебывала кофе за столом, дрожа, несмотря на теплый шерстяной свитер. Хейдьюк и Смит были заняты загрузкой автомобилей, перекладыванием багажа и грузов. План на данный момент, по-видимому, был таков: поехать к намеченной цели на Бьюике Дока и джипе Хейдьюка; пикап Смита остается здесь, загруженный и запертый.

Капитан Смит, старина Редкий Гость, казался не таким веселым и жизнерадостным, как всегда. Он выглядел задумчивым, и это выражение лица делало его неузнаваемым. Но Бонни знала его; она знала этот тип людей. Как и доктор, он был склонен мучиться угрызениями совести. Не больно-то полезное качество при такой работе. Бонни хотелось подойти к нему совсем близко, как к Доку, и прошептать ему на ухо что-нибудь успокаивающее.

Что до Джорджа Хейдьюка, то один вид этой лохматой обезьяны вызывал в ней тошноту. Минут через тридцать, когда они отъезжали — Бонни за рулем Бьюика, Док и Смит рядом с нею, — ей приятно было думать, что Хейдьюк, едущий за ними, глотает пыль из-под ее колес.

Время от времени она отрывала взгляд от баранки, чтобы взглянуть вверх, на одинокую, яркую звезду там, вдалеке, на темно-фиолетовом бархатном небосводе. Слова пришли ниоткуда: Какую странную отвагу вселяешь ты в меня, одинокая звезда.

— Поверни направо во-он там, где написано Кайбито, — сказал Смит. Она повернула.

Они скользили по асфальту нового шоссе с безопасной и осторожной скоростью восемьдесят миль в час, оставив Хейдьюка с его пылящим джипом далеко позади. Только неясное желтое пятно его удаляющихся фар в зеркале заднего вида напоминало ей о его присутствии. Вскоре пропало и оно. В это раннее утреннее время, одни на пустынной автостраде, они, как рабы на галерах, спешили на запад сквозь тьму.

Мы вовсе не обязаны делать это, думала она. Мы могли бы избавиться от этого сумасшедшего, что едет там, позади, вернуться к пристойной, законопослушной жизни, иметь какое-нибудь будущее.

Ветер мягко посвистывал, проносясь мимо; большой автомобиль почти бесшумно вспахивал край ночи, привязанный к лучам четырех своих мощных фар и ведомый ими. За ними, из-за гребня Черной горы, появились тончайшие полоски зари. О них известил метеор, пролетевший по предрассветному роковому небу и умерший в нем, охваченный пламенем и паром.

Они мчались вперед, прямым курсом на встречу с бедою. Огоньки инструментальной панели освещали из-под козырька три торжественных, сонных лица: грозное, непреклонное (думала она) лицо Дока, бородатое, с красными глазами и рубиновым носом; лицо Редкого Гостя Смита, по-домашнему уютно честное, открытое, неисправимо деревенское, буколическое; и, конечно мое — этот необычайно элегантный профиль, эта классическая прелесть, которая сводит мужчин с ума. Да, конечно.

— Снова направо, солнышко, примерно через милю, — бормочет Смит. — Осторожно, там лошади.

— Лошади? Какие лошади?

Тормоза. Визг резины. Две тонны стали, плоти, динамита промчались, как тень, через табун лошадей. Перепуганные глаза, большие, как бильярдные шары, мерцали в темноте, — от рождения недокормленные индейские лошадики маскировочной окраски, что бродят вдоль дорог среди бурьяна, консервных жестянок и колючек. Она не задела ни одну из них.

Док вздохнул. Смит улыбнулся.

— Надеюсь, я никого не испугала, — сказала она.

— Ни черта, — ответил Смит. — Задница вроде как помялась, только и всего.

— Их не видно, пока на них не наедешь, — объяснила она.

— Это верно, — согласился Смит. — Поэтому через каждые две мили стоят знаки **ОСТОРОЖНО ЖИВОТНЫЕ СЛЕДУЮЩИЕ ДВАДЦАТЬ МИЛЬ**.

— Я вполне прилично вела, — сказала Бонни.

— Проклятые краснокожие дикари, — сказал Док. — Не могут повесить вдоль дороги ограждения. Для чего мы платим им пособия? На этих аборигенов ни в чем нельзя положиться — ничего не сделают нормально.

— Это верно, — сказал Смит. — Сверни вон там на грунтовку, где написано «Шонто — тридцать пять миль».

Они поехали по грунтовке, похожей на стиральную доску. Маленькие голубые огоньки протянулись по горизонту: полностью автоматизированный электропоезд с углем компании VM LP.

Их все еще окружала темнота. Они мало что могли видеть: дорогу прямо впереди, обрамленную полынью, несколько звезд да вон те голубые огоньки. Появилось что-то вроде туннеля.

— Так, — сказал Смит, — вон там железная дорога. — Как проскочишь через шлагбаум — резко сворачивай влево.

Так она и сделала, сменив дорогу в Шонто на песчаную тропу для телег.

— Жми крепче, — говорит Смит. — Тут глубокий песок.

Большая машина стонала, снижая обороты автоматически, когда колеса утопали глубоко в песке, и выскакивала, раскачиваясь, ныряя в песчаных холмах, скрежеща днищем о кактусы и бурьян.

— Отлично идешь, солнышко, — говорит Смит. — Давай, гони как можно дальше. Все правильно. Теперь, вон там, видишь развилку? Там остановишься, развернешь машину. Дальше пойдем пешком.

Она остановила машину в указанном Смитом месте. Мотор умолк (в воздухе — запах перегретого двигателя). Они вышли, потянулись, увидели плывущий им навстречу рассвет, подсвечивающий лиловые облака на востоке.

— Где мы?

— Примерно в миле от моста. Мы нашли это место пару дней назад. С железной дороги машину не видно, и никакого жилья, даже индейской хижины, в радиусе пяти миль вокруг. Никого вокруг, кроме нас, сумчатых крыс да ящериц.

Пауза. В тишине пустыни, под небом, усеянным звездами и слегка окрашенным поднимающимся солнцем, они смотрели друг на друга — трое маленьких, слабых, испуганных смертных. Время замерло, подумала она; время замерло, все стояли и думали. Чудовища еще даже и не видно. Есть еще время для рассудительного, спокойного размышления; есть время привести в порядок мысли; есть время соблюсти приличия, здравый рассудок, все доброе, безопасное, порядочное, во имя Господа нашего Иисуса Христа.

Они смотрели друг на друга, улыбки дрожали на их замерзших губах. Каждый ждал, что другой скажет, наконец, какое-нибудь осмысленное слово. Но никто не хотел быть первым.

Доктор Сарвис широко улыбнулся и, раскинув свои огромные руки в стороны, распахнул им просторные объятия. «Ладно, друзья. Подите-ка ко мне». Они подошли к нему вплотную, и он прижал их обоих — еврейскую изгнанницу, отверженного мормона — к своей могучей

епископальной, анархо-синдикалистской груди борца за свободу воли. «Мы намерены противостоять Власти и подрезать ей когти. Мы станем героями и будем жить в славе».

Она прижалась к его широкой теплой груди.

— Да, — сказала она, дрожа от холода и страха, — ты чертовски прав.

И Капитан Смит:

— Почему бы и нет, черт подери?

За работу. Смит и Сарвис водрузили по ящику тончайшей взрывчатки на плечо и с трудом побрели по песку на запад. Бонни шла за ними с флягой, лопатой и киркой; на голове — широкополая шляпа в стиле Греты Гарбо.

Где-то позади, в сумраке, за дюнами, послышалось завывание джипа на двух ведущих осях. Демон появился, следует за ними.

Он догнал их около моста.

«Йа-та-хей!»

Ухмыляясь, как мальчишка на Хеллоувин, Хейдьюк выскочил прямо на них. Он доставил все недостающее оборудование: электрические взрывные капсулы, катушку провода, обжимные щипцы, взрывную машинку (надежная старая рабочая лошадка, Дюпон № 50). Пошатываясь, он добрел до них по песку в утреннем сумраке и остановился вместе с ними, и все четверо посмотрели на свою главную цель.

Это был мост балочного типа, сорок футов длиной, на стальных двутавровых балках, заделанных в бетон, залитый в стены каньона; пропасть под ним была глубиной футов двести. Внизу, на дне ее, во мраке и холоде, среди каменных плит текла по зыбучему песку тоненькая струйка воды, поблескивая, как жестянка, в последнем свете гаснущих звезд. Там росли ивы, приземистые тополя, кусты травы и тростника. Все было совершенно неподвижно, никаких следов животных, хотя овечий специфический дух ощущался безошибочно.

За мостом железнодорожное полотно изгибаясь, терялось из виду, уходя в глубокую прорезь в кряже. Оттуда, где они стояли, модно было увидеть не более полумили рельсового пути в обоих направлениях.

— Так, караульные, — сказал Хейдьюк. — Бонни, ты полезай на верх вон того крутого обрыва, — указал — на той стороне. Возьми вот этот бинокль. Док, —

— Ты же сказал, поезд появится здесь не раньше восьми, — перебила его Бонни.

— Ага, верно, а вот об этом ты подумала? Путевые обходчики проедут здесь на своей маленькой дрезине, они, козлы, всюду суют свой длинный нос, проверяя линию перед

проходом поезда. А? По местам, караульные. Не засните. Док, почему бы вам не пойти другой дорогой и найти себе удобное местечко под кедром. А мы с Капитаном Смитом сделаем всю грязную работу.

— Ты всегда берешься за грязную работу, — проворчала Бонни.

Хейдьюк улыбнулся хищной улыбкой.

— Нечего сразу нюни распускать, Абцуг. Я тут приготовил для тебя, черт подери, специальное угощение, вот оно, у меня в руках. Он поставил взрыватель на землю.

— Почему мы это делаем? — спросил кто-то из них еще раз. Не Док. Не Смит.

— И не забудь вот эту краску. — Он подтолкнул к ней распылители с краской.

— Почему? — снова спросила она.

— Потому что, — пояснил Хейдьюк в последний раз, тихо и терпеливо. — Потому что кто-то должен это делать. Вот почему.

Тишина. Впереди поднималось солнце.

Док начал карабкаться на свой пост на холме, оставляя глубокие следы в песке, как альпинистские ботинки в снегу. Бонни пролезла через ограду полосы отчуждения и по пути на другую сторону принялась обрызгивать краской балки моста.

Хейдьюк и Смит прислушивались к утреннему штилю. Они наблюдали за растущей вспышкой сета на восточном горизонте. Тишина. Единственный звук — прошуршавшая мимо них в траве ящерица. Когда оба караульных добрались до своих мест и подали им сигнал «все спокойно», Смит и Хейдьюк взяли плоскогубцы, гирку, лопату и брусок и принялись за работу. Два дня назад они уже тщательно обследовали намеченную цель, поэтому они ясно представляли себе, что следует делать.

Во-первых, они перерезали ограждение. Затем выгребли балласт из-под ближайшей к мосту шпалы с той стороны, откуда должен был появиться поезд. Когда яма оказалась размером с ящик из-под яблок, Хейдьюк сверился со своей «Карточкой разрушения строений». Это удобное карманное пособие (GTA 5-10-9), небольшое, ламинированное, он освободил от службы в Специальных войсках, когда служил в них сам. Он еще раз проверил формулу: один килограмм равен 2,2 фунта; нам нужно три заряда по 1,25 килограмма каждый, ну, скажем на всякий случай, по три фунта каждый.

— Ну, так, Редкий, — говорит он, — размера этой ямы нам хватит. Копай вторую на расстоянии пяти шпал. А я уложу заряд.

Хейдьюк отошел от железнодорожного полотна, направляется к запечатанным ящикам, ожидающим на дюне. Вскрыл первый из них — взрывчатка, 60 процентов нитроглицерина, скорость 18 200 футов на фунт, быстродействующая; вынул шесть патронов — трубочек

длиною восемь дюймов, весом восемь унций, завернутых в парафинированную бумагу. Затем подготовил запал, пробив отверстие в одном из патронов своим специальным ножом (не дающим искр), вставив в отверстие капсюль (электрический) и соединив его ножки. Дальше он связал вместе шесть патронов, поместив иницирующий посредине. Все это он с большим уважением поместил в яму под первой шпалой, присоединил провода к ножкам капсюля (все провода изолированные), вернул на место и утрамбовал балласт, закрывая и маскируя заряд. Теперь видны только провода; их яркие желтые и красные виниловые оболочки блестят на полотне дороги. Хейдьюк засунул их пока что под рельс, так что их может заметить только пешеход.

Проверка караульных. Бонни выделяется на фоне неба на запад от моста. Она следит за изгибом железнодорожного пути к западу и северу. Он смотрит на восток. Док оперся на ствол кедра на самом краю обрыва, курит свою сигару и ободряюще кивает ему.

Хейдьюк подготовил второй заряд так же, как и первый, и заложил его во вторую яму, которую редкий Гость к этому времени уже подготовил. Вместе они готовят третью, на расстоянии десяти шпал от моста.

— Почему бы нам просто не взорвать мост? — спросил Смит

— Взорвем, — ответил Хейдьюк. — Но мосты — штука хитрая, требуют много времени, много взрывчатки. Я подумал, нам надо сначала справиться с поездом.

— Поезд придет с этой стороны?

— Да. Вниз с Черной горы, груженный углем. Восемьдесят вагонов по сто тонн каждый. Мы взорвем рельсы прямо перед локомотивом, и весь состав летит к чертям в каньон, будет мост или его не будет.

— Весь?

— Должен. По крайней мере, локомотив мы точно достанем, а это дорогая штука. Им там крепко достанется, старушкам Тихоокеанской компании газа и электричества и Аризонской компании по обслуживанию населения. Ох, как им достанется! Мы им здорово подпортим их энергосистемы.

Солнце поднимается — могучий огненный диск. Хейдьюку и Смигу становится жарко. Закончена третья яма; Хейдьюк закладывает третий заряд, прикрывает, трамбуется. Отдохнув минутку, они улыбаются друг другу — белые улыбки на темных потных лицах.

— Какого черта ты улыбаешься, Редкий?

— Я жутко боюсь, вот и все. А вот ты какого черта улыбаешься?

— То же самое, compadre. Ты слышал уханье совы?

Бонни Абцуг повернулась к ним лицом, машет руками. Док тоже подал сигналы тревоги.

— Хватай инструменты. Чтоб ничего не было видно.

Хейдьюк засунул концы проводов от третьего заряда так, чтобы их не было видно. Смит помчался к дюнам с лопатой и киркой. Хейдьюк осмотрел свою работу, — вдруг что-нибудь не так; но все выглядело нормально.

Они побежали, чтобы где-нибудь спрятаться, таща свои инструменты, оставляя повсюду вокруг глубокие следы. С этим уж ничего не поделаешь. Они легли и ждут, прислушиваясь, и слышат шум и перестук колес электрической дрезины, спускающейся под уклон. Хейдьюк выглянул, краем глаза он увидел желтую кабину на колесах, окна открыты, внутри — трое мужчин, один внимательно оглядывает путь впереди, стоя за пультом управления.

Бонни и Док залегли в кустах. Бонни, лежа в песке на животе, увидела, как с ее стороны приближается дрезина, замедляет ход перед мостом, останавливается на мгновение на его середине, снова двигается и проезжает глубокое ущелье под нею. Слышен смех. Дрезина удалилась по дуге, с троллеев летят искры, звук двигателя постепенно замирает вдалеке, уходя в тишину. Дрезину не видно и не слышно. Прошла.

Бригада задержалась на мосту — внезапно понимает она, — чтобы поглядеть на ее граффити в духе модерн на бетоне берегового контрфорса, ее красно-черную декоративную надпись: КАСТЕР НОСИТ РУБАШКУ СО СТРЕЛАМИ — К Р А С Н А Я В Л А С Т Ъ!

Бонни расстегнула свитер, — солнце уже начинает припекать, — надела дымчатые очки, поправила поля своей огромной легкомысленной шляпы. Грета Гарбо на карауле. Увидела Хейдьюка: он выскочил из своего укрытия, неся в руках нечто, напоминающее большую металлическую шпильку. Приземистый, мощный, сейчас он более чем когда-либо напоминал человекообразную обезьяну. Дарвин был прав. Редкий Гость Смит вышел следом за Хейдьюком, длинный и тощий. Мутации; широчайшее разнообразие генофонда; беспредельное варьирование комбинаций, перестановок и сочетаний. Кто, как-то неотчетливо думалось ей, — кто станет отцом моего ребенка? В ближайших окрестностях — ни одного подходящего кандидата.

Глядя, как Хейдьюк склонился над рельсами, она заметила нож, блеснувший у него в руке, видела, как он срастил и заизолировал концы проводов. Подсоединив четвертый заряд, Хейдьюк подсоединил свободные концы взрывных капсулей к основному проводу, замкнув все заряды в единый контур. Затем он начал разматывать провод, отходя все дальше от моста вдоль края каньона к месту, укрытому нависающей скалой так, что его не было видно с места взрыва. Он поставил катушку и пошел вдоль проводов обратно к мосту, пряча их на ходу под нависающим краем обрыва, чтобы они не были заметны, — то есть, не были заметны для любой пары глаз, глядящих с востока. Подойдя к полотну дороги, он взял провода, которые еще не были спрятаны, и прикрепил их к ребру рельса, под его головкой, чтобы они тоже не были заметны.

Бонни наблюдала, как он разговаривал со Смитом; видела, как Смит слегка ткнул его под ребра, как они положили руки друг другу на плечи, как пара борцов сумо в боевой стойке. В том, как они улыбались друг другу, в том, как друг с другом обращались, было что-то, что

раздражало и оскорбляло ее. Все мужчины в душе, думала она, — или в самой глубине души, следует сказать? — в самом деле какие-то странные. То, как футболисты похлопывают друг друга по заду, выбегая на поле или выбираясь из свалки. Греческие болельщики и их нервный центр. Странные, как улитки. Хотя ни один из них найдет в себе порядочности, или честности, или мужества, чтобы признать это. И уж, конечно, они все вместе — против женщин. Свинская порода. Кому они нужны? Она взглянула ласково на двух дурачков внизу, возившихся друг с другом. Неотесанные мужики. Пара клоунов. Чудные, как морское ушко. Док, у того хоть есть чувство собственного достоинства, светский лоск. Хотя и не слишком много. А где он, кстати? Она стала вглядываться очень внимательно и наконец различила его фигуру в тени дерева, — голова его поникла, он засыпал стоя. Господи, подумала она; ну и скучная же работа эта преступная анархия.

Ее имя взлетело в солнечном свете. Лица глядят на нее. Волны звуков прокатились по воздуху, растекаясь во все стороны. Бонни!..

Бонни, Док и Хейдьюк суетились над катушкой провода. Смит работал на мосту. Док и Бонни смотрели, как Хейдьюк обрезал концы, разделил провода и оголил от изоляции по два дюйма блестящей медной стренги.

— Эти паразиты, — объясняет он, — идут сюда. — Он касается ими двух клемм на взрывателе. — А эта маленькая хреновина, — отложив провода в сторону и взявшись за рукоятку взрывной машинки, — поднимается вот так — он поднял ее до упора. — Когда подсоединим провода к клеммам, и ты сильно толкнешь вниз, толкнешь изо всех сил — не бойся повредить машинке, ты не можешь ей повредить, просто толкай, стараясь выбить дно; так вот, когда ты это делаешь, ты посылаешь ток в цепь, при этом взрываются капсули. Они детонируют взрыватель, те детонируют заряд, и — словом, сама увидишь. Но ты должна толкать эту ручку изо всех сил. Это как крутить старомодный деревенский телефон — если не будешь сильно крутить, не пошлешь никакого сигнала. — Взглянув на Бонни. — Ты меня слушаешь, Абцуг?

— Да, я слушаю, Хейдьюк.

— Что я сказал?

— Слушай, Хейдьюк, у меня степень магистра по французской литературе. И меня не исключали из института, как некоторых тут, которых я могла бы назвать по имени, но лучше не буду, хотя они и находятся всего на расстоянии плевка.

— Ладно, тогда пробуй. Он вывернул капсули из машинки и положил туда кончики пальцев. — Ну, давай. Захлопни ее как следует. Чтобы меня ударило током.

Бонни взялась за рукоятку и толкнула ее вниз. Она стукнулась о крышку деревянной обшивки.

— Я почувствовал толчок, — сказал Хейдьюк. — Легонький толчок. Попробуй еще раз. Тресни как следует. Выбей днище.

Она подняла рукоятку вверх, вдохнула полную грудь воздуха и снова толкнула ее вниз. Рукоятка с треском вошла в ящик, и рука Хейдьюка рефлекторно подскочила от резкого удара током.

— Это уже лучше. На этот раз я почувствовал. Ну, что, Бонни, хочешь быть взрывником на этой операции?

— Кто-то должен это делать.

— Док будет стоять рядом, проверять всю процедуру, поддерживать тебя. Я буду там, откуда можно видеть приближающийся поезд. Когда он будет в нужной точке, я подам тебе сигнал, вот так. — Он поднял руку. — Когда я подниму руку, поднимай рукоятку вверх. Не спускай с меня глаз. Когда я опущу руку, — он резко опустил ее вниз — рви рукоятку вниз. Сильно!

— А потом?

— Потом убираемся отсюда ко всем чертям. Вы с Доком — в Бьюике; мы со Смитом — в джипе. Нам нужен хотя бы час до того, как они пошлют самолеты, поэтому гони целый час вовсю, потом стань где-нибудь под деревом, подожди до вечера. Езжай по старой грунтовке на Шонто. Вечером встретимся в Бетатакине, отпразднуем нашу победу. Не смотри вверх на самолеты. Бледные лица хорошо видны сверху. Не бери в голову, спокойненько, если кто заговорит, — ведите себя, как туристы. Оденьте свои бермуды, Док.

— У меня их нет, Джордж, но я попробую

— А ты не снимай темные очки. Чтоб индейцы не увидели этот сумасшедший блеск в твоих глазах.

— Конечно, — сказала Бонни. — Где здесь туалет? — и она исчезла за дюнами.

— Глядя на нее, Док помрачнел.

— Что случилось? — спросил Хейдьюк.

— Ничего.

— Вы выглядите больным, Док.

— Док улыбнулся, пожал плечами.

— Маленькая чародейка уходит из моей жизни.

— Это вы о ней? Хотите поговорить об этом прямо сейчас?

— Может быть, позже. — Он вернулся на свой наблюдательный пункт.

Хейдьюк присоединился к Смиту, который трудился на мосту над восточным береговым устоем с киркой и лопатой.

— Слушай, Джордж, это же тут рабский труд.

— Я знаю, — ответил тот. — Тут нужен перфоратор с компрессором, как у всех. Давай еще немного обмозгуем этот объект.

Опершись на свои инструменты, они рассматривали сделанную работу. Было очевидно, что с такой скоростью им потребуется не менее двух недель, чтобы вручную проделать зазоры между бетоном и стеной каньона. Хейдьюк решил попробовать более простую, но менее надежную тактику.

— Мы попробуем подрезать балки, — сказал он. — Вот здесь, в узлах. Оставь этот устой, у нас нет времени. — Он глянул на часы. — У нас осталось около получаса. Если поезд не придет раньше.

Он взглянул вверх, на наблюдательный пункт Дока — все спокойно. И кто знает, какие блуждающие токи — пришло ему в голову — текут в этих рельсах? Полностью электрифицированная железная дорога. Пятьдесят тысяч вольт у нас над головой. Ионизированный воздух. Господи Иисусе Христе. Надо было предохранители поставить. Но нам же нужен точный отсчет времени. Строго по графику.

Он знал, что оставил токопроводящие провода разомкнутыми, отдельно от взрывной машинки. Но любой ребенок, даже Бонни Абцуг, мог легко замкнуть их. Где же эта девчонка, черт ее подери?

Нервы, нервы. Он вскарабкался на рельсы, отсоединил токопроводящий провод от проводов капсуля, разорвав электрический контур. Почувствовал себя немного лучше. Три человеческих жизни висят на волоске. Четыре, считая его собственную, если вам охота ее считать. Надо было все сделать самому, только со Смитом. Док и Бонни, эти невинные младенцы, — это была его настоящая ошибка. Не следовало тащить их сюда.

Но лучше поторопиться.

— Сколько? — спрашивает Смит.

— Сколько? Ах да, балки. Стенка двутавра около двух футов высотой. Надо было все это высчитать раньше. Дюймовой толщины. Он сверился со своей справочной карточкой — 9 фунтов. Ширина полки — 1 фут, толщина приблизительно — он заполз под мост и замерил толщину линейкой, напечатанной на карточке — приблизительно точно семь восьмых дюйма. Он заглянул в таблицу: 9.0 для стенки и плюс 8 для двух полок составит вместе 17 фунтов взрывчатки. На каждую балку. У нас их три. Это один полный ящик и еще, или приблизительно, — дай-ка подумать, если я нигде не ошибся в расчетах, — дай-ка подумать. Старина Смит стоит рядом, волнуется. Волнуется Док, что эта красотка Абцуг болтается где-то, черт, надо было взять что-нибудь гипотензивное, — итого 51 фунт. Тротила. Еще 10 процентов на динамит. Всего динамита: 56,1 фунта.

— Лучше возьмем оба ящика.

Они взяли оба, принесли и установили на бетонном уступе под мостом. Хейдьюк разрезал изолирующую ленту, поднял крышку ящика и раскрыл полиэтиленовую пленку. Патроны, скользкие, жирные в своих красных воцеленных обертках, аккуратно упакованные — 102-106 штук в ящике; патроны эти, безусловно, выглядели внушительно. Чувствительные к ударам и трению, легко воспламеняющиеся — руки Хейдьюка слегка дрожали, когда он вынимал из ящика связки патронов. Смит открыл второй ящик.

— Не нравится мне эта дрянь, Джордж.

— Привыкнешь, — соврал Хейдьюк.

— Не уверен, что хочу.

— Я тебя не виню. Привыкать к этому опасно. Давай-ка я налажу заряды. А ты принеси из джипа мешки.

— Он сосчитал стержни динамита — тридцать четыре к каждой связке, добавил для большей надежности еще по пять и связал их.

— Какие мешки?

— Там в джипе, под передним сиденьем, с десятков джутовых мешков. Мы наполним их песком, чтобы прижать заряды. Где ящик с капсулями?

— Да вот же он, Джордж. — Смит поднялся и исчез.

Хейдьюк инициировал центральный патрон в первой связке, связал его, затолкнул на место и прикрепил всю связку с внутренней стороны первой двутавровой балки, оставив выводные концы снаружи, на бетоне. Прюделав то же со второй и третьей балками, он подсоединил все выводные концы к основному проводу. Цепь была готова полностью, за исключением соединения со взрывной машинкой. Все грузы на месте. Смит вернулся с мешками. Они наполнили их и уплотнили ими заряды.

— Мы готовы стрелять, — говорит Хейдьюк.

К ним приближалась Бонни. Смит спросил, понизив голос: «Ты уверен, что хочешь позволить ей работать со взрывной машинкой?»

Хейдьюк помедлил с ответом, глянул сначала на Бонни, прежде чем обернуться к Смицу. Потные, дрожа от нервного изнеможения, они посмотрели друг на друга. Запах потных волосатых подмышек. Запах страха.

— Редкий, — говорит он, — зови это... демократия.

— Кто? — Смит нахмурился.

— Демократия. Знаешь... участие. Мы должны дать ей возможность принять участие.

— Смит не выглядит убежденным. Пот блестит, как смазка, на его небритой верхней губе.

— Н-ну, — говорит он, — я не знаю ...

— Соучастие, — добавляет Хейдьюк. — Правильно? Мы не можем больше позволить себе иметь в нашем деле невиновных. Правильно?

— Смит внимательно изучает Хейдьюка.

— Ты не доверяешь никому, а, партнер?

— Не сразу. Не слишком скоро.

К ним подлетает Абцуг, шляпа висит на спине, солнечное сияние просвечивает сквозь ее пышные волосы цвета красного дерева.

— Ну, хватит, — быстро говорит она, — кончайте базар. Нам тут надо кое-какую работу сделать.

— Где твоя каска? — ворчит Хейдьюк.

— Эта? — она показывает ему свою шляпу.

— Каска!

— Тебе не следует срываться с поводка, Хейдьюк. Что ты, в конце концов, какой-то маниакальный параноик? Когда ты последний раз видел ее на мне?

— Где она?

— Я не знаю.

— Смит стал на колени у колеи, положив на рельс руку и приложив к нему ухо. Торжественная вибрация металла.

— Что-то точно приближается, Джордж. Вот прямо сейчас. Что-то большое.

Одинокое уханье совы. Они посмотрели вверх, на кромку обрыва, где вырисовывался силуэт доктора Сарвиса на фоне утреннего солнца. Обе его руки вытянуты высоко вверх, ладони трепещут, как безумные птицы. Бинобль болтается у него на шее, тревожно раскачиваясь.

— Поезд! — кричит он.

— Далеко? — кричит Хейдьюк.

Док поднимает бинокль, отлаживает фокус, изучает ситуацию на востоке. Затем опускает бинокль, снова оборачивается к ним.

— Около пяти миль, — кричит он.

— Хорошо, спускайтесь. Ты, — обращается Хейдьюк к Бонни, — надень это на свою треклятую башку. Отдает ей свою каску; она надевает ее на голову; каска садится по самые уши. — Возвращайся к взрывной машинке. Но не поднимай рукоятку, пока я не подам сигнал. И не выходи из укрытия, пока я не скажу.

Она глядит на него глазами, сверкающими от восторга и паники, тень циничной улыбки касается ее губ.

— Ну, — спрашивает он, — чего на меня уставилась? Давай, бегом!

— Ладно, ладно, ла-адно, не заводись. — Она уносится вдоль кромки обрыва.

Смит тем временем собирает инструменты и взваливает на плечо оставшиеся пол-ящика динамита. Ящик с капсулями, плоскогубцы, куски и обрывки поводов, моток ленты, все еще лежат на бетонном уступе под мостом, напротив устоя, на котором набрызгала роскошной красной краской с угольно-черной отделкой: ХОКА ХЕЙ! ХОСКИННИНИ ЕДЕТ СНОВА!

Зловещая вибрация неумолимо приближается.

— Пошли.

Доктор Сарвис все еще наверху, смотрит на них.

— Поезд идет! — орет он.

— Спускайтесь, Док, — вопит Смит. — Будем стрелять.

Док, прихрамывая, спускается по откосу, делая гигантские шаги по песку, утренняя тень его, чуть не двадцать футов длиною, свободно ложится на дубы Гембела, низкорослые колючие дикие груши и другие растительные организмы. Корона слепящего света сияет за его головой, одетой в блестящую каску. Авария. Он падает лицом в песок, ноги и башмаки запутались из-за предательски возникшего — они слышат негромкое ругательство — невинного кустика. Он с трудом снова встает на ноги, идет дальше, вертикальный, полный чувства собственного достоинства, которое не может нарушить какая-то мелкая игра случая и гравитации.

— Fallugia paradoxa, — объясняет он, стряхивая песок с очков. — Мы готовы?

Конечно, они не выбрали подходящего наблюдательного пункта для Хейдьюка. Он решает забраться на то место, где был Док — как можно быстрее. Док и Смит будут рядом с Бонни у взрывной машинки; Смит — чтобы подсоединить провода передавать сигналы Хейдьюка, Док — чтобы следить за Бонни и контролировать ее действия.

Смит подхватывает провода под нависающей скалой, бежит вдоль них до самой взрывной машинки и обнаруживает, что они уже сплеснены и привинчены к клеммам.

— Святой боже, Бонни, ты уже их прицепила!

— Конечно, — говорит она.

— Ну, святые угодники, мы все трое тут были в каких-то десяти футах от сотни фунтов чистого динамита.

— Ну и?

Хейдьюк в это время карабкается вверх по склону, сползая и соскальзывая по глубокому песку, хватаясь за колючие деревца дикой груши и дуба. Он пробивается наверх, задыхаясь, как собака, смотрит на восток и видит широкую морду с пустыми глазами, слышит грохот локомотива всего в двухстах ярдах. Он приближается не быстро, но неотвратимо. Вот-вот состав проедет под ним, через первые три заряда — и на мост.

Он оглядывается на команду взрывников — в поле зрения нет никого. О, черт! Тут из-за песчаникового пригорка выныривает Смит и подает ему сигнал готовности. Хейдьюк кивает. Автоматизированный поезд приближается, — слепой, грубый, мощный, раскачиваясь на повороте. Электрические дуги вспыхивают и потрескивают, когда троллеи проходят через стыки электролинии. За локомотивом следует основная масса — восемьдесят вагонов, груженных углем, катятся под уклон в Пейдж и на страницу истории со скоростью сорок пять миль в час. Замедляет ход на повороте. Хейдьюк поднимает руку.

Глаза — на пятнадцатой шпале от моста, рука поднята, как нож гильотины, он слышит, чувствует, он чувствует, как поезд проходит под ним. Он дает резкую отмашку рукой — энергичный жест, не оставляющий сомнений, и —

И видит, в тот момент, когда рука его хлопает по бедру, — в открытом окне кабины локомотива он видит лицо мужчины. Тот смотрит на него — молодой парень с гладкой, загорелой кожей, бодрым, приветливым и мирным выражением лица, здоровыми зубами и ясным взглядом. На нем кепочка с козырьком и коричневая рабочая сорочка с открытым воротом. Верный всем старым традициям, как бравый инженер, молодой человек машет Хейдьюку в ответ.

Сердце остановилось, мозги отказали, Хейдьюк ныряет в песок, прикрывая голову руками, ждет — вот-вот вздрогнет земля, накатит взрывная волна, обломки засвистят мимо, как реактивные снаряды, пороховой дым забьет ноздри, оглушит пронзительный скрежет. Ярость ошеломила его больше, чем ужас.

— Они наврали, думает он, сукины сыны, они мне врали.

— Чего ты ждешь?

— Я не могу этого сделать, — стонет она.

Смит стоит в двадцати ярдах от них, не в силах им помочь, только смотрит на них — на Бонни, ссутулившуюся над взрывной машинкой, на Дока, согнувшегося над нею. Она вцепилась в поднятую рукоятку, костяшки пальцев побелели от напряжения. Глаза крепко зажмурены, в уголке каждого из-под века выдавилась жемчужная слезинка.

— Бонни: толкни ее вниз.

— Я не могу этого сделать.

— Почему?

— Не знаю. Просто не могу.

Док замечает блеск локомотива, грохочущего по мосту, исчезающего из виду, сопровождаемого непрерывным, монотонным рядом темных вагонов, перегруженных углем, с короткими проблесками дневного света между ними. Черная пыль поднимается в только что совершенно чистый воздух, сопровождаемая лязгом и скрежетом стали, запахом грязного железа, ревом индустриального чудовища, оскверняющего прекрасную пустыню — страну господню. Доктор Сарвис чувствует прилив страшной ярости, подступающей к горлу.

— Ты собираешься толкать эту штуку, Бонни? — Яростное напряжение в его голосе.

— Не могу я, не могу, — стонет, почти рыдает она, и слезы катятся по ее щекам.

Он становится прямо за нею; она чувствует, как живот его и пах тесно прижаты к ее спине. Обняв ее, он кладет свои большие, белые, чуткие руки хирурга поверх ее рук, быстро прижимает их к рукоятке взрывной машинки, и, вынуждая ее согнуться с ним и под него, он вбивает ударник сильно и глубоко, в самом деле до отказа, — на всю глубину, — через шейку в самое нутро матки подпружиненного ящика:

Тр-рах! и -

Б А АМ!

задерживает его там.

О, господи, соображает она несколько позже, когда обломки, куски и фрагменты, и осколки ископаемого топлива и неорганической материи описывают свои огненно-изящные параболические и гиперболические траектории в голубом небе над ее головой, — это же всегда была его любимая позиция.

— Благодарю вас, мадам.

А Хейдьюк тем временем ждал. Ничего не произошло, — он открыл глаза и поднял голову как раз во время, чтобы увидеть, как локомотив прогрохотал через заминированный мост, миновал его и вошел в прорезь в скале, таща за собою весь состав. Облегченно вздохнув, Хейдьюк начал подниматься.

И в этот момент заряды начали взрываться. Поезд подпрыгнул над рельсами, огромные грибы огня пылали у него под брюхом. Хейдьюк грохнулся обратно, — куски стали, цемента, камня, угля и проводов полетели прямо на него, взмывая в небо. Грузные вагоны в это время, завершая свой прыжок, грохнулись обратно на разрушенный мост. Балки и связи подались, и мост прорвался, как разогретый пластик, а вагоны, один за другим, связанные, как сосиски, покатались через край каньона и стали исчезать в пыли, и реве, и хаосе ущелья.

А на другой стороне моста?

Беда. Сплошная беда. Провода упали на землю, локомотив беспомощно остановился. Теперь он начал двигаться назад, медленно, неохотно, с зажатыми тормозами, бессильно соскальзывая в бедствие ценою не один миллион долларов. Состав, все еще сцепленный с локомотивом, теперь тащил его за собою силой веса всех своих вагонов, падающих в каньон.

Хейдьюк увидел, как молодой человек, кто бы он там ни был — инженер, эксперт, инструктор, — вылез из кабины, спустился по стальной лесенке и спрыгнул. Легко приземлившись, пробежал несколько шагов по насыпи и остановился в канаве. Руки на бедрах, он стоял, как и Хейдьюк, глядя на крушение своего поезда.

Под пронзительный визг и скрежет колес локомотив скользнул на вдребезги разбитый мост, опрокинулся и исчез. Из поля зрения. Прошло мгновение: гром его падения взметнулся к небесам.

Основная часть состава продолжала катиться под уклон, по искореженным рельсам, по обломкам моста, к своему крушению — вагон за вагоном, однообразно, бесконечно повторяясь, как массовое производство, падали в боль и неразбериху пропасти. Ничего нельзя было поделать, и ни один из них не уберется. Все до единого, как овцы во сне, они спотыкались о край каньона и исчезали.

Хейдьюк прополз через кустарник на локтях и коленях, скатился по склону дюны и приземлился на песок рядом со своими спутниками. Они не сдвинулись с места, — стояли, парализованные, ошеломленные, оглушенные ревом рушащихся вагонов и грандиозностью того, что они совершили. Хейдьюк растормошил их и заставил убежать. Схватив оборудование и инструменты, они помчались к джипу, загрузили его доверху и заторопились к машине Дока. Там они разделились, как и планировали.

Всю дорогу к кемпингу Док и Бонни пели старые песни, в том числе и любимую песню всех времен «Я работал на железной дороге».

То же сделали и Джордж со Смитом.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:03:10

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:03:37